Владимир ГЛАДЫШЕВ

ПЕРМСКИЕ ЕГИПЕТСКИЕ НОЧИ, или СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СОБРАНИИ.

Очерк

Владимир Фёдорович ГЛАДЫШЕВ родился 4 октября 1951 года в городе Молотове/Перми. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1979). Трудовую жизнь посвятил журналистике и краеведению. Публиковался в различных сборниках, альманахах, журналах и газетах, в т. ч. «Литературная Пермь», «Пермский писатель». Первая книга вышла в городе Перми в 1985 году: «И нам его беречь». Автор более десятка книг, в основном краеведческой направленности. Член Союза журналистов СССР/России (1980). Член Союза писателей России (2009). Лауреат нескольких премий, в т. ч. им. А. Гайдара. Кавалер ордена Достоевского II степени (2012).Живёт в городе Перми.

Все ждали перемен! И дождались… Во второй половине XIX века, на волне новых веяний в обществе в губернском городе Перми начали устраивать литературно-музыкальные вечера. В сравнении со столицами это были, пожалуй, довольно скромные посиделки. Однако вечер, состоявшийся в пермском доме с колоннами — Дворянском (Благородном) собрании на ул. Сибирской — стал знаменит во всероссийском масштабе.

Что, собственно, произошло в тот промозглый осенний вечерок 27 ноября 1860 года? Евгения Толмачёва, жена статского советника, председателя Пермской казённой палаты, читала «Египетские ночи» А. С. Пушкина. Вот, кажется, и всё. Но выбор темы, но острая постановка вопроса, но разгоревшаяся дискуссия…

Отвечая на вопросы после чтения, госпожа Толмачёва смело осудила отсталые взгляды на роль и место женщины в обществе. Публика была ошарашена столь необычным и даже вызывающим поступком статской советницы. Молодые зрители пришли в восторг, но некоторые слушатели стали выражать возмущение. Возмущались в различной форме, и в открытой, и с помощью подмётных писем и кляуз. И пошла писать губерния…

Вечер, прошедший в пермской «Благородке» (как ещё называли здание Дворянского собрания завсегдатаи), стал поводом для широкой полемики, в которую были вовлечены виднейшие публицисты и писатели того времени: Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов, М. И. Михайлов, Д. И. Писарев, В. С. Курочкин, М. Н. Катков, А. Ф. Писемский, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский и другие.

«НЕ ПО-ГУБЕРНСКИ ПРОСТО И ХОРОШО»

В феврале 1861 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась корреспонденция под названием «Из путевых заметок. От Санкт-Петербурга до Иркутска», подписанная двумя буквами — М. Т. В корреспонденции пером очевидца были детально описаны события того вечера….

…Молодая, высокого роста женщина, «с очень красивой, эффектной и замечательно-выразительной наружностью» была встречена публикой громом аплодисментов. Её костюм состоял «из чёрного бархатного платья, гладких батистовых

рукавов и такого же воротничка мужского покроя, на голове её был чёрный чепчик с длинными полосами из белого газа, усеянного чёрными мушками...». Это и была госпожа Е. Э. Толмачёва.

В тот необыкновенный вечер всё было, как пишет восторженный репортёр, «не по-губернски (!) просто и хорошо».

Толмачёва читала «Египетские ночи», по отзыву того же корреспондента, прекрасно, «просто и вместе с тем эффектно, с полным пониманием внутреннего смысла стихов, с умением придать надлежащее значение каждой мысли и каждой картине поэта».

Выбор стихотворения вызвал у одних удивление, у других — осуждение. У части публики было заметно «чувство оскорблённого достоинства и потревоженной добродетели». Один из слушателей, молодой офицер, задал Е. Э. Толмачёвой вопрос по поводу выбора ею этого, с точки зрения «добродетельной» публики, непристойного стихотворения для публичного чтения. Ответ был дан с удивительной твёрдостью и смелостью:

— Если мы все, и мужчины, и дамы, и девицы, читаем, не конфузясь, грязные и безнравственные французские романы, смотрим, не краснея, сальные и пошлые французские водевили, то было бы в высшей степени смешно и дико не прочесть публично прекрасное художественное произведение великого поэта!..

Она не находила это стихотворение нескромным. «Добродетельную» публику особенно шокировали слова Клеопатры из стихотворения А. С. Пушкина: «Скажите, кто меж вами купит ценою жизни ночь мою?» По мнению Толмачёвой, если это не говорится, то зато делается на каждом шагу:

— Мы чуть ли не каждый день видим, как молодые женщины продают себя, и не на одну ночь, а на всю жизнь — противным, дряхлым, но богатым старикам.

Она резко отозвалась о существующей системе воспитания девушек с её замкнутостью, мелочной опекой, оторванностью от жизни, науки и знания, высмеяла нелепые, отсталые взгляды на роль и место женщины в обществе.

В статье, опубликованной в «С.-Петербургских ведомостях», высоко оценивались общественная самодеятельность пермской интеллигенции, её прогрессивные начинания, её планы содействия народному образованию. Автор репортажа не скрывал своей солидарности со взглядами, высказанными Е. Э. Толмачёвой, и выражал пожелание, чтобы её слова «приняты были к надлежащему сведению и в просвещённых столицах» (!).

Как же отнеслись читатели в столицах к пермскому событию, да и к самому факту выбора стихотворения? Это действительно «бесстыдное сочинение» или «чудо поэтического искусства»?

Приведём одно «третейское» суждение.

Во вспыхнувшей дискуссии Ф. М. Достоевский занял вполне определённую позицию. Он не просто не согласился с одним из публицистов (М. Катковым), считавшим пушкинское стихотворение эротическим творением и только, но Фёдор Михайлович с жаром вступился за поэта, можно сказать, он отчитал критикана как мальчишку. Судите сами.

«Да, дурно мы понимаем искусство. Не научил нас этому и Пушкин, сам пострадавший и погибший в нашем обществе, преимущественно за то, что был поэтом вполне и до конца».

Цитируя эту страстную отповедь писателя, Юрий Селезнёв, автор биографии Достоевского (серия ЖЗЛ), замечает: «Толмачёву, он [Ф. М. Достоевский], конечно, не знал… но дело было и не в ней самой; дети и женщины — так он чувствовал — извечные униженные и оскорблённые, и кто же, как не русский писатель, обязан сказать своё слово в их защиту?»

Вступая в борьбу с катковыми и иже, Достоевский прекрасно понимал, пишет ещё биограф, что легко не будет, да и помощи ждать неоткуда.

Однако, как показали ближайшие события, насчёт помощи Фёдор Михайлович ошибался…

ВОЗМУТИТЕЛЬНИЦА СПОКОЙСТВИЯ

К такой расстановке акцентов в жарком споре хочется добавить:

«Да, Толмачёву писатель не знал… а жаль!» Сдаётся нам, что Фёдор Михайлович, познакомившись с пермской деятельницей, смог бы оценить эту личность по достоинству. Оценить, а быть может, и увлечься ею в какой-то степени. Потому как не увлечься этой красавицей, по оценкам современников, «женщиной высокоразвитой и передовой в лучшем значении этого слова» (!), было просто невозможно.

И я начал с увлечением собирать сведения о столь необыкновенной для наших краёв личности. Поиск растянулся на годы…

Евгения Эдуардовна родилась в Оренбурге в 1826 году. Девочка получила хорошее образование в семье, она имела такую возможность: её отец был известный учёный-ботаник, профессор Казанского университета Эдуард Эверсман. Базовое образование она тоже получила: Евгения блестяще окончила Мариинскую гимназию в Казани.

Увлекшись теориями французских публицистов Прудона и Мишле, стала «эмансипированной женщиной».

На пути её развития в передовую, эмансипированную гражданку не стало препятствием и замужество, последовавшее в 1844 году, когда ей было 18 лет. Муж, Александр Афанасьевич Толмачёв, преуспевающий чиновник, служил некоторое время в Оренбурге, затем в Калуге. Там с семьёй Толмачёвых познакомился молодой офицер М. Тиммерман. Отмечаем сей факт, потому что данному персонажу предстоит сыграть заметную роль в судьбе нашей героини.

В конце 1850-х годов Толмачёв был переведён в Пермь на должность председателя Казённой палаты. Туда же переехал и Михаил Тиммерман, с которым Толмачёвы познакомились как с героической, незаурядной личностью. Шутка ли: служил на Кавказе, участвовал в пленении вождя горцев Шамиля. Был ранен, лишился руки, награждён Георгиевским крестом. Тиммерман явно был увлечён Евгенией Эдуардовной, он следовал за нею, как нитка за иголкой.

В Перми Евгения Эдуардовна оставила о себе добрую память как о благотворительнице и одной из первых феминисток. Она участвует в организации народных библиотек , благотворительных литературно -музыкальных вечеров, в открытии женской гимназии и воскресных школ. Е. Э. Толмачёва — член Дамского попечительного о бедных комитета, директриса губернского попечительного комитета о тюрьмах. В комитете о тюрьмах Евгения Эдуардовна стала правой рукой председательницы комитета, а председательницей была «первая дама» — супруга начальника губернии (Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г.).

Вечер, о котором идёт речь, проводился как раз с целью сбора средств для учреждения в Перми воскресной школы. Сначала в Благородном собрании выступил Д. Д. Смышляев, председатель губернской земской управы. У Дмитрия Дмитриевича была целая программа с чтением ряда стихотворений, рассказа Глеба Успенского и отрывка из «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя. Собравшиеся в зале «Благородки» остались очень довольны появлением видного земского деятеля (который был ещё и краеведом) в столь неожиданном амплуа.

Явно не без влияния этого прогрессивного земца появилась в программе госпожа Толмачёва. И попал в точку! Самый ошеломительный успех выпал на долю статской советницы.

О РОЛИ СУВОРОВСКОГО ПРАВНУКА

Ещё одно важное обстоятельство. Воскресная школа, в пользу которой проводился благотворительный вечер, основывалась при библиотеке А. И. Иконникова, открытой в 1859 году «для успешной пропаганды революционно-демократической литературы».

Под прикрытием библиотеки существовал революционный кружок, именуемый в жандармских документах «Обществом вольнодумцев» и объединявший политических ссыльных, разночинную интеллигенцию, военных, учащихся. В уставе кружка было отмечено, что «книга — важнейшее легальное оружие революционного преобразования страны».

Отметим, что именно из-за кружка Иконникова Пермь опять «прогремела» на всю Россию. Поскольку местные жандармы оказались неповоротливы и бессильны в борьбе с крамолой, для искоренения преступных замыслов в Пермь был командирован сам флигель-адъютант царя, 34-летний жандармский подполковник Н. В. Мезенцов[1] (между прочим, правнук Суворова). С пермскими революционерами Мезенцов справился быстро, умело и радикально. Общество было разгромлено в зародыше.

Пермский успех обеспечил Николаю Мезенцову быстрое продвижение по службе; в 1876 году он станет шефом жандармов. Блестящая карьера суворовского правнука будет оборвана террористами:

в 1878-м Н. В. Мезенцов был убит революционером-народником С. М. Кравчинским.

РАБИНОВИЧ ПОСТЕСНЯЛСЯ

К тому времени семейная жизнь Толмачёвых заметно разладилась. В обществе уже откровенно шушукались о близких отношениях супруги статского советника с лихим офицером, другом семьи. В этом «треугольнике» всё было вызывающе странно до неприличия. Взять хотя бы то, что Толмачёв устроил Тиммермана в Казённую палату,на хорошее место (руководить библиотекой, которую тогда создали при палате по инициативе неугомонной Евгении Эдуардовны). «Пригрел змею», что называется, на своей груди. На самом деле муженёк просто не мог отказать в такой просьбе своей любимой супруге.

Именно она, а не её муж (как гласит официальная версия), выступила в качестве главного организатора библиотеки для чиновников Казённой палаты. И уж конечно, Михаил Тиммерман стал для Евгении Эдуардовны первым помощником во всех начинаниях местной прогрессивной интеллигенции. О революционно-демократической деятельности и конкретно литературных вечерах середины XIX века в Перми ряд работ опубликовал уральский историк Яков Рабинович (см.: Я. Б. Рабинович. Ревнители прав народных. — П., 1989).

Отметим одну странность: в рассказе о литературном вечере в Перми и всероссийской дискуссии уважаемый исследователь из Свердловска практически обошёл молчанием факт активного участия в данной полемике на злобу дня… писателя Ф. М. Достоевского. Почему-то постеснялся; упоминает только журнал «Время» (издаваемый братьями Достоевскими — Михаилом и Фёдором). Хотя перечисляет в этой связи многих публицистов второго ряда. Я. Б. Рабиновичу показалось странным, что журнал «Время» выступил в защиту… А. С. Пушкина. Выводы уральский исследователь делает сокрушительные для издания: «Журнал назидательно рекомендовал не пренебрегать также и мнениями “старых маменек”».

«Что же делать, — сокрушалось «Время», — если они смотрят ещё на это своими глазам и; они опасаются за своих дочерей . Действительно, для отроческого возраста такое чтение может быть даже опасно».

Далее читаем восхитительный пассаж: «Время», выказавшееся на словах (?) «за права женщины», выступило, по существу, противником борьбы за женское равноправие и призывало к пассивному ожиданию такого времени, когда нравственное совершенствование общества обеспечит женщине возможность пользоваться своими правами.

На самом деле всё было совсем не так; критику нужно было дать слово… самому Фёдору Достоевскому, который выступил тогда, как всегда, с открытым забралом[2].

…И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Для главной возмутительницы спокойствия благотворительный вечер в пермском Благородном собрании обернулся сплошными неприятностями и… новыми горизонтами. Жизнь её круто изменилась.

Важный момент: Евгения Эдуардовна, в сопровождении своего верного друга (того самого пермского корреспондента «М. Т.») и приятельницы Эмилии Европеус съездила в Лондон, где посетила Герцена . Естественно , после такого поступка женщина оказалась «под колпаком». Управляющий III отделением получает подробную справку о пермской феминистке, подписанную подполковником корпуса жандармов Комаровым 19 ноября 1861 года.

В Пермь Толмачёва не вернулась, переехала в Петербург, затем в Казань. По предписанию начальника Казанской губернии за Толмачёвой был установлен секретный надзор.

В Петербурге новые знакомые устроили её на работу в книжную лавку Н. А. Серно -Соловьевича, революционного демократа. Эту лавку на Обуховском проспекте и книжный магазин с библиотекой читальней на Невском проспекте называли штаб-квартирой студенчества. Вскоре, однако, библиотека была разгромлена: Н. А. Серно-Соловьевич будет осуждён, приговорён к ссылке, где и умрёт в 1866 году.

В те годы Евгения Толмачёва, как установила уфимский краевед Ф. Д. Ахмерова, нередко приезжала в Уфу, жила у брата Александра и у племянницы В. А. Эверсманн-Базилевой. Она словно «брала передышку». Как ни странно, но она, даже находясь под негласным

надзором полиции, имела возможность выезжать за границу. Казанский историк М. К. Корбут считал её одним из агентов по доставке запрещённой литературы и распространению её в Поволжье.

«УМОЛЯЮ ИСТОРГНУТЬ РЕБЁНКА»

Интересно, что сложившаяся традиция различного, порой диаметрально противоположного толкования поступков Евгении Толмачёвой удивительным образом прослеживается уже в наши времена, причём и среди потомков рода Эверсман. Один из них, С. Д. Садовников из Уфы, отмечает (в письме автору данных строк):

«Надо понимать, что о дореволюционных женщинах-дворянках архивных документов практически нет — они "при мужьях" были. Ну, разве что сведения об образовании и участии в благотворительных обществах. В связи с этим весьма распространёнными стали статьи о женщинах-дворянках на основе каких-то городских легенд, домыслов, а зачастую и выдумок. Полагаю, так произошло и с Е. Э. Толмачёвой (в дев. Эверсман) — вряд ли дочь прусского барона и сестра статусных братьев-чиновников, супруга крупного чиновника могла стать революционеркой. Конечно, "в семье не без урода", но даже её встречи с А. Герценом в Лондоне, прочтение "крамольного" стиха, получение и хранение революционной литературы в Перми — это лишь какие-то жизненные эпизоды, отнюдь не подтверждающие "революционный"

статус Е. Э. Толмачёвой. Любопытно также, есть ли документы о нахождении Евгении Эдуардовны под надзором полиции».

Как мы убедились, такие документы есть, они опубликованы, хранятся в главном российском архиве — ГАРФе (быв. ЦГАОР —Центральный государственный архив Октябрьской революции).

В личном плане у общественной деятельницы всё было сложно. В архиве Казани (ГАРТ) сохранилось жалостливое прошение её бывшего мужа А. А. Толмачёва к начальству (опубликованное упомянутым выше казанским историком Корбутом). Александр Афанасьевич умолял помочь ему «исторгнуть (!) законного ребёнка из рук потерянной матери». Речь шла о пятилетней дочери Софье, а «потерянным» человеком чиновник считал… свою жену, которую предлагал «спасать от угрожающей опасности».

Такая двусмысленная диспозиция обернулась в итоге для г-на Толмачёва вынужденной отставкой и крахом его карьеры. (Это ли не сюжет для писателя Достоевского!)

ПЕРМСКИЕ ТАЙНЫ

Тем временем публицист Достоевский в своей статье «Образцы чистосердечия» («Время», 1861, N 3) поддержал писателя М. Л. Михайлова, сотрудничавшего в то время с журналом «Современник». От казанских авторов своего журнала Достоевский, вполне вероятно, и узнал некоторые «пермские тайны», которые журнал «Век » представил «в отвратительном виде».

Полемика нашла отражение и в его романе «Преступление и наказание». Намёк на «пермские тайны» автор вложил в уста не кого-либо, а Аркадия Свидригайлова. В своём монологе, обращённом к Родиону Раскольникову, тот на поминает собеседнику «времена благодетельной гласности» (!) и добавляет перцу:

«…Тогда ещё, в тот же самый год, кажется, и "Безобразный поступок «Века»" случился (ну, "Египетские-то ночи", чтение-то публичное помните? Чёрные-то глаза! О, где ты, золотое время нашей юности!)».

Что за безобразный поступок? Неделю спустя после нашумевшей газетной публикации из Перми Михаила Тиммермана («тот самый «М. Т.» — Прим. авт.) в восьмом номере нового журнала «Век» появился фельетон под названием «Русские диковинки», подписанный псевдонимом «Камень Виногоров». Намек прозрачный: это перевод с немецкого фамилии… редактора журнала П. И. Вейнберга. В качестве юмориста журнала «Век» Камень Виногоров объявлял о намерении «внимательно всматриваться во все диковинки, на Руси происходящие», и помещать их в свои фельетоны, как в кунсткамеру . Первую такую «диковинку» автор нашёл в корреспонденции «С.-Петербургских ведомостей» о литературно-музыкальном вечере в Перми.

«...Не радостно ли узнать, — представлял автор этот первый экспонат своей кунсткамеры, — что эмансипация — вопрос, о котором так сильно хлопочут

современные мудрецы, — блистательным образом началась в России — и где же? — в отдалённой Перми, на границах "хладной Сибири"».

Фельетон Камня Виногорова был наполнен пошлыми сентенция ми, нечистоплотными намёками, грубыми выпадами против г-жи Толмачёвой. Многочисленные цитаты из «С.-Петербургских ведомостей» автор сопровождал восклицательными и вопросительными знаками и издевательскими комментариями. Его нападкам подверглись и выбор самого произведения для «публичного чтения дамой», и манера чтения, и высказанные Е. Э. Толмачёвой мысли. Он находил в её поступке потерю стыдливости, нарушение светских приличий, её убеждения называл «кавалерскими»:

«...Г-жа Толмачёва прочла публике стихотворение Пушкина "Египетские ночи"... Да, это самое, где Клеопатра предлагает купить ценою жизни одну из ночей её!.. И дама решилась произнести этот стих... Русская дама, статская советница, явилась перед публикой в виде Клеопатры, произнесла предложение "купить ценою жизни ночь её", и как произнесла!»

Обращаясь к читательницам, Камень Виногоров ханжески взывал:«"Долой всякая стыдливость, долой женственность, долой светские приличия", — вас приглашают к этому г-жа Толмачёва и почтенный панегирист её, возгласивший миру о невероятном событии устами "С.-Петербургских ведомостей". Не прочтёт ли г-жа Толмачёва ещё другого стихотворения Пушкина, тоже удивительного в художественном отношении, начинающегося стихом "Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем"? Прочтите, прочтите, г-жа Толмачёва! При чтении его можно ещё лучше принимать вызывающее выражение и делать ещё более выразительные жесты! Уж коли эмансипироваться, так до конца! Зачем останавливаться на полдороге?»

По мнению уральского историка Якова Рабиновича, П. И. Вейнберг в ту пору формально примыкал к демократическому лагерю и имел репутацию передового человека.

СОСЛАЛИ… В «ГЛУХУЮ СИБИРСКУЮ НОРУ»

Напрасно Фёдор Достоевский опасался, что в своей борьбе за настоящую эмансипацию он останется в одиночестве перед целой командой идейных противников. Помощь пришла с неожиданной стороны. Фельетон Камня Виногорова (Вейнберга) получил достойный отпор. Первым выразил гневный протест и возмущение поэт и переводчик М. И. Михайлов, яркий представитель демократического крыла интеллигенции.

Он отправил письма в журнал «Век», в газеты «С.-Петербургские ведомости», «Северная пчела» и другие. Убеждённый и страстный сторонник женского равноправия, активный борец за эмансипацию женщин в России, М. И. Михайлов обрушил на автора фельетона «Русские диковинки» всю силу своего полемического дарования и негодования. Он оценил писания Камня Виногорова как «чёрную клевету», «безобразную», «неслыханную», «пошлую» выходку, которую невозможно оправдать или извинить.

«Такой человек, — заявлял Михайлов, — не может быть терпим в литературе , и суд общественного мнения должен навсегда заклеймить его». Михайлов возложил ответственность за появление фельетона и на редакцию «Века», поскольку мнения ответственного сотрудника «перестают быть личными его мнениями и делаются голосом самого журнала».

Михайлов гневно осуждал оскорбительные выпады Камня Виногорова:

«Можно не разделять мнений, которые высказала г-жа Толмачёва, можно находить их смешными и дикими, можно считать решимость её читать публично "Египетские ночи" Пушкина нелепою — всё это, к несчастью, можно ещё в наше время. Но нет, конечно, человека с живым сердцем в груди, который, зная настоящие общественные условия и положение женщины, решился бы публично оскорблять женщину и выдавать её с головою на посмеяние и обиды глупцам и невеждам. И за что же? За то, что она смело заявила своё пренебрежение к невежественным предрассудкам».

В лице Толмачёвой, заявил прогрессивный автор, «оскорблены все женщины — и молчать было бы преступлением».

Дело дошло до того, что «С.-Петербургские ведомости» открыли специальный раздел под рубрикой «Безобразный поступок "Века"».

Инцидент стал темой ряда поэтических произведений. И вот каковы гримасы истории! Михаил Михайлов будет подвергнут уголовному преследованию и наказанию за то, что участвовал в распространении революционной прокламации «К молодому поколению». В 1862 году его отправят в ссылку… в «глухую сибирскую нору». И поведёт его подневольная каторжная дорожка не куда-нибудь, а… в Пермь! Здесь он сделает остановку, чтобы написать пронзительные строки сердечных мук. Посвящал он эти строки своей возлюбленной Людмиле Шелгуновой (Михаэлис), которая была пермской уроженкой.

Лирическое отступление автора…

О, знали бы мы, школяры, изучавшие роман Чернышевского «Что делать?» и «теорию разумного эгоизма», которую проповедовал автор, — знали бы мы, что с нашим родным городом связана потрясающая история неземной любви и холодного расчёта, предательства и героизма! Но в школе мы такие темы «проходили» без погружения в сомнительные подробности сожительства революционеро в. (Думаю , не знала о таких историях и наша современница-депутат, по совместительству феминистка, которая недавно бросила через соцсети призыв к землячкам: выходить из тени своих влиятельных мужей, добиваться равноправия на деле…)

Сподвижник Чернышевского, Михайлов воплощал его идеи и в поэзии, и прозе, и… на практике. Да-да, в житейской смуте. Он влюбился в жену своего соратника, писателя Николая Шелгунова.

Любовный треугольник разрешился вполне «по-чернышевскому»:

Николай уступил сопернику свою супругу, поскольку все трое решили руководствоваться по жизни таким принципом: женщина — это прежде всего друг и соратник. (Сына соратница всё же родила от Михаила.) А когда Михайлова арестовали за «возмутительные антиправительственные сочинения», он взял вину других на себя, в том числе и за прокламацию «К молодому поколению». Лишнее взял, и за это получил «по полной».

Шелгуновы (фактически уже не муж и жена) поедут вслед за Михайловым, в «глухую сибирскую нору», чтобы организовать его побег. И будут схвачены, арестованы, осуждены…[3]

«ЭМАНСИПАЦИЯ НАЧАЛАСЬ В „ОТДАЛЁННОЙ ПЕРМИ“»

Итог той давней дискуссии можно подвести словами одного из участников полемики: «Какое это общество... может развратиться от того только, что послушает публично художественное произведение? Как же это общество (впрочем, не пермское, а петербургское)... не скандализируется в балете и на публичных балах, баликах и маскарадах развязными танцами? Или канкан (...) художественнее и нравственнее превосходного стихотворения Пушкина?»

С этим выводом в целом был солидарен Достоевский. Он ещё не раз будет возвращаться к поднятым вопросам в публицистике. В той же полемической форме Фёдор Михайлович восклицает:

«Не русскому отрекаться от своих женщин. Чем наша женщина ниже какой бы то ни было? Я уже не стану указывать на обозначившиеся идеалы наших поэтов, начиная с Татьяны… Не стану тоже говорить о декабристках…» (Дневник писателя», 1876 г.)

Время, настрой общества, о котором идёт речь в очерке, лучше всего характеризуется двумя приметами. Как писал публицист Николай Шелгунов, «тогда, при повышенной умственной восприимчивости, землетрясения вызывались легко». И другое общее явление: на знаменах всех журналов того времени была обозначена борьба за равноправие женщин.

Иного мнения придерживалась губернская администрация в Перми. После скандала на всю Россию пермский губернатор А. Г. Лошкарёв (в XIX веке написание его фамилии встречалось с двумя «а»), выждав какое-то время, наложил запрет на литературно-музыкальные вечера. Местная интеллигенция по затронутым в дискуссии вопросам предпочла не высказываться.

* * *

…Евгения Эдуардовна прожила долгую жизнь, почти 90 лет, скончалась в 1915 году в Уфе. Портретов Толмачёвой в молодые годы не сохранилось, но один из представителей её рода, уфимский пенсионер, краевед Садовников любезно прислал мне её фотографию, где она запечатлена уже старушкой, вместе с братом, А. Э. Эверсманом.

В сопроводительном письме потомок пишет:

«Последние годы жизни Е. Э. жила в уфимском доме брата Александра Эдуардовича, моего прапрапрадеда, на углу Губернаторской и Б. Казанской. Снимок сделан на веранде этого дома».

Дом этот не сохранился. Снесено и Старо-Ивановское кладбище, на котором похоронили Евгению Эдуардовну. Сохранился её акварельный портрет неизвестного художника, написанный, видимо, по фотографии; на ней бывшая черноглазая красавица и мятежная возмутительница спокойствия предстает перед нами скромным «божьим одуванчиком»...

---

[1] Добавим, что именно Мезенцов, получив большую власть в свои руки, возобновил снятый было полицейский надзор за Ф. М. Достоевским.

[2] На ту же тему см. смелые публикации Г. Ф. Коган. Разыскания о Достоевском. Журнал «Время» и революционное студенчество 1860-х годов (Литературное наследство. — М., 1976, т. 86. С. 583–584). См. также: Н. Ф. Аверина. Ф. М. Решетников и библиотека чиновников Пермской казённой палаты (сб. История библиотеки — история страны. — П.,1995. С. 26–34). Автор последней работы, в частности, выразила мнение: «Личности Тиммермана и Толмачёвой привлекали внимание многих исследователей… но, думается, истинная их роль в политической, общественной и культурной жизни Прикамья не выявлена до сих пор». Сегодня с таким утверждением уже трудно согласиться.

[3] Подробно об этой романтической истории см. в книге В. Гладышева «Страна любовь».